

The background of the cover is a detailed painting of a large fleet of traditional wooden sailing ships, likely from the 18th or 19th century, navigating a wide river or bay. The ships are densely packed, with many smaller vessels in the foreground and a larger, more prominent three-masted ship in the middle ground. The water is a mix of green and blue tones, and the background shows a forested mountain range under a hazy sky.

Владимир Шигин

Лейтенант Хвостов и мичман Давыдов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МОРЯКОВ

Жизнь замечательных моряков

Владимир Шигин

**Лейтенант Хвостов
и мичман Давыдов**

«Горизонт»

2015

Шигин В. В.

Лейтенант Хвостов и мичман Давыдов / В. В. Шигин —
«Горизонт», 2015 — (Жизнь замечательных моряков)

История двух закадычных друзей могла бы стать сюжетом целой серии приключенческих романов и телевизионных сериалов, представлена в книге известного писателя-мариниста капитана 1 ранга Владимира Шигина. Офицеры Балтийского флота лейтенант Хвостов и мичман Давыдов являлись не только храбрыми моряками, отличившиеся в русско-шведской войне 1808-1809 годов, но исследователями Аляски и отважными мореплавателями. Именно они командовали легендарными судами «Юнона» и «Авось», сопутствовали камергеру Рязанову в его плавании в Калифорнию и роману с испанкой Кончитой. Хвостов и Давыдов изгнали японских захватчиков с Курильских островов и водрузили там российский флаг. Помимо этого, оба были талантливыми литераторами и поэтами. Тайна их странной смерти не раскрыта и по сегодняшний день.

© Шигин В. В., 2015

© Горизонт, 2015

Содержание

Два храбрых воина, два быстрые орла...	6
Друзья-товарищи	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Владимир Виленович Шигин
Лейтенант Хвостов и мичман Давыдов

Правообладатель: Горизонт

Два храбрых воина, два быстрые орла...

*Хвостов! Давыдов! Будьте
Век славными и вы!*

Г. Державин

Давняя история жизни и дружбы двух героев моего рассказа сегодня почти забыта. А зря! Ведь по обилию невероятных приключений, увлекательнейших путешествий, жестоких сражений она вполне могла бы стать сюжетом десятков романов и кинолент.

Говорят, что император Александр Первый, слыша их фамилии, сразу же раздраженно спрашивал:

– Ну что опять натворили эти сорвиголовы?

А натворили они за свой недолгий век на самом деле немало.

Где только не разворачивались события: на просторах Балтийского моря и Тихого океана, в боях со шведским флотом и индейцами-колошами в лесах Финляндии и чащах Аляски, на курильских скалах и в сибирской тайге! Дуэли и боевые ордена, схватки с разбойничьими шайками и тюремные остроги, корсарские набеги и монарший гнев – всего там было с избытком! О героях этого рассказа ходили легенды, поэты слагали им оды, они были кумирами молодежи и сущим бедствием для начальства. А сколько вокруг них было и осталось неразгаданных и по сей день тайн и загадок! И сейчас еще деяния двух друзей отдаются гулким эхом в большой политике России...

Но видимо, уже настала пора поговорить и о самих героях. Итак, мой рассказ пойдет об офицерах российского флота Николае Хвостове и Гавриле Давыдове.

Я держу в своих руках старую книгу. Книга с незапамятных времен хранится в нашей редакционной библиотеке журнала «Морской сборник». Это дневник Гавриила Давыдова «Двухкратные путешествия в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова писанное сим последним» с «преуведомлением» вице-адмирала Шишкова. Толстая и грубо шероховатая бумага, на такой печатали книги триста лет назад. На титульном листе надпись «Санкт-Петербург в Морской типографии в 1810 году». Перелистываешь страницы и окунаешься в события давно минувшей эпохи...

Друзья-товарищи

...В мае 1790 года в Кронштадте царила суматоха. По слухам вот-вот должен был появиться шведский флот, чтобы в решительной атаке на эскадру адмирала Круза, попытаться переломить ход русско-шведской войны и пробиться к Петербургу.

Одеваясь в полотно парусов, русские корабли спешно вытягивались на внешний рейд.

Вице-адмирал Круз лично объезжал шлюпкой эскадру, готовя ее к решительной схватке. На крепостных фортах у заряженных пушке денно и ночью дежурили канониры с зажженными пальниками. На плацу Морского Корпуса в строю под знаменами весь состав до самых младших рот. Офицеры при орденах и шпагах. Директор корпуса Голенищев-Кутузов кричал зычно:

– Враг стоит у стен кронштадтских! Отечество требует пасть, но не отступить! Пришел и ваш черед! А потому кадеты пойдут на крепостные стены, а господа гардемарины производятся высочайшим указом «за мичманы» и направляются по кораблям!

Ответом на речь адмирала было дружное «ура». Тотчас после роспуска строя гардемарины отрядили дворников и сторожей за праздничной выпивкой и закуской. «За мичмана» – это еще и не мичман, но уже и не гардемарин. Предлог «за» выпускников Корпуса не смущал, главное, что они буквально завтра будут в бою. А остальное наверстается!

Среди определенных в виду особых обстоятельств в «за мичмана» был и юный Николенька Хвостов.

Уже через несколько дней пришлось ему с сотоварищами полной мерой хлебнуть лиха в двухдневном яростном Красногорском сражении. Истекая кровью, эскадра вице-адмирала Круза отбила все атаки шведов, а затем, когда с запада подошла Ревельская эскадра Чичагова вообще погнала противника в Выборгские шхеры.

Через месяц новее сражение в Выборгской бухте. Ожесточение было настолько велико, что на кораблях потоки крови напрочь забивали палубные шпигаты.

На войне мужают быстро, вот и Николенька Хвостов уходил на войну мальчиком, а вернулся пытаным огнем и штормами морским волком.

Николай Александрович Хвостов родился в 1776 году в семье статского советника Александра Ивановича Хвостова и Катерины Алексеевны Хвостовой, урожденной Шелтинг. В семилетнем возрасте Колю определили в Морской кадетский корпус, а в четырнадцать он уже сражался «за мичмана». За храбрость в Выборгском сражении Хвостов был награжден золотой медалью «За победу на водах Финских» и произведен в долгожданный мичманский чин.

По окончании шведской войны Николай четыре года непрерывно плавает на эскадрах у английских берегов и голландских. Россия уже вступала в полосу наполеоновских войн. Время было лихое. На шатких корабельных палубах рождалось новое поколение русских моряков, тех. Кому в самом скором времени предстояло явить Андреевский флаг на всех морях и океанах. Лейтенанты Крузенштерн и Головин, Лисянский и Хвостов – птенцы моря Балтийского, будущие герои великих морских походов...

Хвостов, по описаниям современников, имея средний рост и посредственную силу, «соединял в душе своей кротость агнца и пылкость льва».

Во время многомесячных крейсерств и произошло знакомство лейтенанта Николая Хвостова с только что окончившим Морской корпус мичманом Гаврилой Давыдовым. Первый к тому времени был уже вахтенным начальником на 74-пушечной «Иануарии», второй состоял при нем вахтенным офицером. Наверное, именно тогда во время долгих томительных вахт и родилась эта удивительная дружба.

Давыдов был совсем еще молодым восемнадцатилетним мичманом, только в 1798 году окончившим Морской корпус. Вот как описывает его вице-адмирал Шишков в своем «преуве-

домлении»: «Он (Давыдов – В. Ш.) в самой юности отличался не только особенною остротою, но и чрезвычайным прилежанием, приобрел немалые знания в математике и словесных науках, почему из представленных в том году к производству в офицеры пятидесяти или шестидесяти человек найден по достоинству первым. Он был довольно высокого роста, строен телом, хорош лицом и приятен в обхождении; предприимчив, рассудителен и смел. Нравом вспыльчив и горячее Хвостова, но уступает ему в твердости и мужестве. Он одарен был живостью воображения и здравым рассудком, имел острый и примечательный ум. Много читал и любил увеселения, беседы и общества, однако ж, охотно оставлял их для несения трудов и подвигов; неустранялся от забав и гуляний, однако ж, находил время упражняться и писать дельное и шуточное».

Дневник Хвостова, относящийся к этому времени не только очень интересен, но и поучителен. Хвостов начал вести свои дневники еще с молодых лет, и, в частности, называет его довольно интересный дневник плавания в Англию в 1799 году. Он пишет о вахтенной службе, о круге своего чтения. Читает «Аноиды» Карамзина и «какого-то Евгения» – то ли повесть Измайлова, то ли комедию Бомарше, переведенную на русский в 1770 году. Хвостов делает выписки из сочинений прусского короля Фридриха Второго.

Любопытный нюанс: не отказываясь от горячительных напитков и офицерских застолий, он честно записывает в своем дневнике, что однажды, будучи «недовольный креплением парусов, высек несколько матросов и, сменившись с вахты, с досады, что дурно крепили паруса, выпил два стакана пуншу и сделался пьян... Вот как проводим мы наше время, или, лучше сказать, убиваем. Я, правда, всякий день в мыслях собираюсь учиться по-английски...» Он велел выпороть матросов, будучи нетрезв, а потом мучился своей несправедливостью...

Историк отечественного флота А. Соколов сохранил для нас еще один интересный эпизод из дневника Хвостова. Речь идет об описании Хвостовым морского сражения 11 августа 1799 году у побережья Голландии. К этому времени Хвостов служил уже на линейном корабле «Ретвизан». Этот линейный корабль был в 1790 году захвачен в бою у шведов, а потому служить на «призовом» корабле считалось особо почетно. Да и командный состав на «Ретвизане» был как на подбор! Командиром сын знаменитого адмирала Грейга Алексей Грейг, будущий командующий Черноморским флотом, старшим офицером знаменитый силач и любимец всего флота Дмитрий Лукин. Хвостов пишет в своем дневнике: «В пять часов утра луч солнца, приводя в радость покойного поселянина, живущего на границах, углубленного, вовремя, когда светило поверх горизонту, над плугом для насыщения разграбляющего его беспрестанно народа; в равной радости находится воин, находящийся под страшнейшими Тексельскими пушками, жаждущий выбрать хороший день, чтоб все препятствующее на берегах Голландии разграбить и предать вечному пеплу, не принося тем ни себе и никому прибыли, кроме разорения... Состояние наше весьма несносно! Все корабли проходят мимо нас, а мы стоим на месте и служим им вместо бакена! Вся надежда наша быть в сражении и участвовать во взятии голландского флота исчезла! В крайнем огорчении своем мы все злились на лоцмана и осыпали его укоризнами, но он и так уж был как полумертвый».

Друзьям он говорил, что не может служить на берегу, что только в море в нем «возгорался некий новый пламень».

Его спрашивали:

– Что сделаешь ты, ежели дело будет по-особому трудным, потребует особливых трудов и отважности?

– Чем опаснее, тем для меня будет приятнее! – отвечал Хвостов, и в этом ответе не было ни капли бравады.

«Чрезмерная привязанность к родным и беспредельная любовь к славе были двумя главными свойствами его души», – свидетельствовал адмирал Шишков о Хвостове, приходившегося ему племянником.

Не чурался лейтенант Хвостов и женского общества. Но и здесь он предстает перед нами настоящим романтиком: «В самых величайших опасностях просьба и слезы прекрасных женщин в силах сделать на сердце самого жестокого человека и нечувствительного мужчины такие впечатления, что забудет все окружающие опасности... Я видел пример тут над собой, входя в нежнейшие чувства души милого творения, забывая несчастья и гибель к нам приближающуюся. О, женщины! Чего вы не в состоянии сделать над нами, бедными!»

В те дни его новый друг мичман Давыдов также переживал пору первой юношеской влюбленности. Нам известно лишь имя девушки, которая очаровала молодого моряка – Катерина.

Один из первых биографов наших героев позднее напишет: «Хвостов был уже человек развившийся, возмужалый, страстный и притом довольно искусный моряк, много читавший и многому научившийся, хотя отрывочно; отважный и честолюбивый. Чувствительность и человеколюбие, развитые в нем философию осмнадцатого века, в первые годы сильно боролись с порывами к бранным подвигам, с этими, по его словам того времени „варварскими чувствами, вперенными в нас с самого младенчества“, и уже заметно были преодолеваемы им, как это свидетельствуют его дневники. По временам, следуя всегдашнему тогда обыкновению, он любил выпить и поиграть в карты, но с некоторым ожесточением отзывался о такого рода препровождении времени, как будто вынуждаемый так „убивать“ его, нетерпеливо ожидая для себя перемен... Давыдов был еще юноша, красивый лицом высокий и стройно сложенный, отлично образованный, немножко поэт, пылкий и влюбчивый, столь же отважный как Хвостов, но гораздо менее его твердый... Чудно свела судьба на вечную дружбу этих двух молодых людей, так мало сходных между собой, благословив их на удивительные приключения и отважные подвиги».

После окончания дальнего плавания к Англии и боевых действий в Северном море русские эскадры возвратились в Кронштадт. Наступило временное затишье в войнах, и никто не мог сказать, сколько оно продлится. На смотре флота император Александр остался весьма недоволен выправкой вернувшихся из дальнего плавания моряков.

– Надобно их подтянуть по части фрунтовой! – велел он морскому министру Чичагову.

Нет для настоящего моряка горше жизни, чем на берегу в казарме, а тут еще утром плац и барабан, днем плац и барабан, да и вечером тоже. В Кронштадт – столицу флотскую понаехали чины армейские.

– Вы штучки свои моряцкие бросайте, ходите, что утки кривобокие! – кричали те чины, слюной брызгая. – А кто маршировать, да ружьями экзерцировать по чести не желает, того пинками гнать будем со службы государевой!

И гнали... Гнали боевых капитанов только за то, что те не тянули изящно носок, гнали в пехоту мальчишек мичманов, бредивших морями, гнали в деревню седых адмиралов, пред которыми еще вчера трепетала вся Европа. Многие, не терпя унижений, уходили сами: кто в именья родовые, кто во флот партикулярный, а кто и просто в дома инвалидные да ночлежные...

Лейтенант Хвостов, из-за ненависти к порядкам армейским, стрелялся с каким-то пехотным капитаном и, хотя оба остались, к счастью, живы.

Морской министр немедленно упек лейтенанта на гауптвахту. Когда Хвостов вышел, то почесал затылок:

– Так дальше жить, только себя губить!

Историки пишут, что у Хвостова в Петербурге была большая и дружная семья: мать, отец, братья да сестры. Жили весьма бедно. Для всех них старший сын и брат был не только гордостью, но и главной надеждой и опорой. А заботится о близких приходилось, решаясь, порой, на поступки самые, казалось бы, безрассудные. Так вскоре после вступления на престол императора Александра Первого, отец Хвостова лишился из-за тяжбы своего небольшого родового имени. Тогда наш герой подстерег гулявшего по садовым дорожкам Летнего сада императора и без долгих раздумий бросился перед ним на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.